

Андрей ЛОМОВЦЕВ

г. Мытищи,
Московская область

1

Сердце матери

рассказ

Зинаида Аркадьевна ехала к морю. Впервые за много лет вырвалась из душной столицы. Устала. Не испугали полтора суток в тесном плацкарте с плачущими детьми, с мужиками, шныряющими за пивом на станциях, с крикливыми их жёнами. Зинаида обтёрла окно — замелькали перелески, деревянные домики станций, дороги змеились в пыли. Сидя за столом, она уткнула подбородок в ладони, вспомнились проводы сына в армию. Будто вчера случилось, а уж три месяца как...

Юрка казался ей хрупким для армии, слабым, как неокрепшее деревце, простоявшее без воды. А ведь она поливала, орошала его любовью. Узкие ладони его казались пригодными лишь для смычка, к которому он так и не прикоснулся. Зинаида корила себя за слабость: не настояла и послушалась мужа — и сын сам выбрал дорогу — через парк мимо музыкальной школы, куда ходила в детстве она, Зиночка-резиночка.

А сама Зинаида на своём выпускном так и не сыграла заученный вальс: обожгла кипятком руку, сильно расстроилась, плакала. Позже, качая сынулю в пелёнках, всё мечтала, мечтала, мечтала... что он вырастет и всем покажет!.. Отомстит миру за её неуспехи и страхи, нелюбовь родителей, отсутствие сказок на ночь, за переживания в школе, за слёзы в подушку — он станет счастливее, сильнее и удачливее её. Окончит музыкальную и основную школы с отличием, поступит в консерваторию или в музыкально-педагогический Ипполитова. А если и туда совсем не судьба, то она пристроит его в институт, где подруга трудится в бухгалтерии. В Зининых мечтах армии не было в списке побед сына, она не могла объяснить почему, — не знала. Да и какая разница? Впрочем, всё случилось не так, как мечталось.

В музыкальную школу сын не пошёл: кинул скрипку на пол, разревелся, получил подзатыльник от деда (инструмент купили на его пенсию) и залез под кровать. В тот день Зинаида и муж заключили «пакт о свободе ребёнка», словно провели социальный эксперимент. Для друзей и родных это выглядело

странно: считалось, что дать мальчику право выбора — глупость.

Конечно, они с мужем присматривались к сыну, чтобы вовремя среагировать... Мало ли что... Юрка остановился на спорте.

«...Господи, — вздохнул муж, — ну кто назвал шахматы спортом?! Смешно». Сам он в свои сорок три выглядел молодцом: подтянут, свеж — делал по утрам зарядку, отжимался от пола и легко тягал пудовую гирию. К тому времени Зинаидин муж имел позицию заместителя завкафедры в институте. Но не брал купленные недавно «Жигули», чтобы добираться до работы, предпочитая ходить в институт пешком два километра для поддержания формы. В шахматы в семье никто не играл, дед признавал только домино, пиво и самогон, — ну, ему было можно: старый боец, ветеран.

Больше всего Зинаиду расстроило, что в восьмом классе сын внезапно порвал дружбу с шахматами, длившуюся с начальной школы. Буркнул с тоской: «Надоело». Значок и грамоту перворазрядника, завоеванные в нелёгком турнире Дома культуры газеты «Правда», бросил в ящик стола и забыл. Юрка ходил задумчивый, молчаливый, точно объединился со страной, хоронившей второго генсека.

Однажды утром Зинаида собралась на работу и забежала на кухню. Сын был там — стоял, закинув тощую ногу на подоконник и, нагнувшись, с кряхтением пытался схватиться за пятку. «Растяжка, вот что сейчас важно, мамуль», — сказал удивленной матери.

Так, в восемьдесят четвёртом в собственном доме Зинаида, посмотревшая к тому времени фильм «Пираты XX века», познакомилась с частицей японской культуры.

«Юра заболел этой дрянью, — втолковывала она мужу, гремя на кухне посудой. — Карате под запретом, не дай бог, мальчик попадет под статью. Ты забыл, в какой стране мы живём?» Она читала в газетах громкие отчёты про комсомольские рейды по клубам и подвалам, про спортсменов и уголовные дела. Читала и боялась.

Стучал и бился на стыках поезд, скользило в окно заходящее солнце, с тамбура тянуло сигаретным дымком.

В памяти Зинаиды мелькнул образ мужа,

сбежавшего на лето в Сибирь строить коровники со студентами-добровольцами. А когда она выговорила ему свои опасения за Юру, Петя тянул свежайшее пиво и кивал, соглашаясь. Впервые за долгие годы. Даже предложил поговорить с ректором: может, отдаст под тренировки ненужный подвал — в институт не нагрянут. Зина его чуть не ударила в тот момент — полотенцем хлестнула. Ну не дурак ли?!

Юрка сидел в шпагате часами, иногда с книжкой или просто закрыв глаза, открывал шкафчики на кухне ногой, отжимался на пальцах. Тело его изменилось, стало сухим и жилистым, но в то же время и мягким, в походке проявлялись элементы незнакомого танца. Голос обрёл уверенность, резкость, сын превращался в мужчину.

Зина ещё надеялась, что всё изменит институт; сессии, пары, рефераты, зачёты, — там не будет времени для «токсичного увлечения». Этот ярлык Зинаида окончательно навесила на карате, когда Юра приполз с вздыг разбитым лицом. Месяц валялся в больнице, челюсть собрали и рёбра срослись, слава богу. Оказалось, против толпы горцев сын воевать не созрел.

В институте мужа была военная кафедра — может, поэтому Зина пребывала в спокойствии, что это гарантия свободы от армии, отца уж Юра должен послушать. «Нет, — Юрка отверг предложение. — Какой из меня инженер, тем более радио?! Вообще не моё». Зинаида, предложила педагогический. В ответ ей: «Учителем быть не хочу. Если только тренером...»

И её мальчик устроился колотить ящики на завод с прекрасным аттестатом в кармане. Убеждённо готовился к армии. «Мамуль, не служить — это стыдно, ни одна девчонка не согласится гулять, а тем более замуж».

«Какие глупости, боже ж ты мой!» — вздыхала тогда Зинаида. Отговорить не смогла. Молодёжь отплясывала до утра под соловьиные переливы. Потом автобус, худое лицо, пшеничная шевелюра в открытом окне. До встречи, сынуля, всего-то два года...

Поезд замедлил ход, скрежетал, тормозя возле станции. Маленький деревянный вок-

зал, шербатый асфальт перрона... Зинаиде захотелось пройтись, посмотреть и послушать местных, их торопливую речь.

Три торговки бежали к поезду. Вагон трянуло, проводница открыла дверь, и волнами жаркого воздуха, пахнувшего луговыми травами, ворвалось в сознание: Крым. Такие причудливые названия, убаюкивающие, ласкающие слух: Ливадия, Мисхор, Алупка...

Южный берег Зинаиде снился ночами, манил рассветами и наполнял радостью. Она бывала на море не раз, обожала Ялту, ботанический сад и всегда, уезжая из тех мест, скучала. Мысли о Крыме с весны роились в её голове мотыльками. Она закрывала в кровати глаза, представляла, как накатывает волна, омывая стройное тело, набегает на грудь и завитые с вечера чёрные кудри размокают и липнут к щеке. Представляла, как будет натирать кремом от солнца свой греческий нос, доставшийся в наследство от бабки, и узкие скулы.

Лето в этом году выдалось дождливое, прохладное, и Зинаида наконец решилась. Уговорила соседку присмотреть за семидесятилетним отцом, заняла денег и купила билет на ближайший поезд — благо, подруга работала в железнодорожной кассе.

Вокзал в Симферополе встретил гомонящей толпой. Запах пота мешался с мазутом, цветочными ароматами и возгласами заросших щетиной таксистов. Вот он, юг, — в запахах, звуках радости. Солнце изливалось на белую башню вокзала, и часы высвечивали двенадцать. Зинаиду захватило, зажало толпой и, радостную, несло в потоке сквозь полукруглые вокзальные арки — туда, где красно-белый автобус глотал пассажиров на Ялту.

С полнолицей, круглой, словно тумба, цыганкой Зинаида столкнулась на выходе и стиснула на груди сумку, интуитивно вцепилась в ручку чемодана. Всё представлялось обычным: толпа, таксисты, жара. Цыгане встречались нечасто.

— Торопишь, девонька, — старуха в платье, расшитом синими птицами, повела крючковатым носом, впилась в лицо цепким взглядом, чисто ведьминным. — Не спеши, разговор имею к тебе.

— Нет-нет, простите, некогда мне, автобус ждёт, — забормотала Зинаида не в страхе, а в недоумении: что за внимание к ней? почему? Ведь вокруг — десятки таких же торопливых, спешащих, предвкушающих радость людей. Да и вообще, слышала про цыган, как оставляют туристов с пустыми карманами.

Старуха подхватила Зинаиду под локоток бесцеремонно и даже жёстко, повела в сторону, и та поддалась, почувствовав слабость в ногах, лёгкую дрожь. Опомнилась и дёрнула локоть, высвобождаясь, остановилась, стараясь не смотреть на цыганку.

— Что вы делаете! Пустите!

— Зачем боишься? Я не кусаюсь. Про сына, отца расскажу правду — что будет, поведаю, а потом иди себе с миром.

— Мне не надо, спасибо. — Зинаида шагнула от цыганки, быстро огляделась: нет ли рядом милиции?

— Не суетись, девонька. Душу к скорби пора готовить.

— Господи, — задыхнулась от подступающего раздражения Зинаида, вспотела от страха спина. — Зачем вы меня пугаете? — И она уже настроилась толкнуть на язык что-то язвительное, но злость вдруг сошла.

Готовиться к скорби? Юра, армия и беда — всё соединилось в единое страшное и понеслось в голове кругами. Зина зажмурилась, хмарь согнала, осмелела. Подумала, что никогда в приметы не верила — ни в чёрта, ни в бога, как говорится, а потом решила: «Послушаю мыру. Что там наврёт?» Извечное любопытство в борьбе с недоверием одолело.

— Ну и что там, говорите уже.

— За знание заплатить надо, сколько не жалко, красавица?

У Зинаиды имелись наготове три рубля, крупные купюры припрятала. Нашупала трёшку в замшевой сумке, удачно купленной перед отъездом.

— Хватит?

— Достаточно, девонька.

Купюра упорхнула в бездонные складки цыганских юбок.

— Дай ручку. Да не бойся, что ты трясешься?

Она подрагивала от волнения, даже по малой нужде захотелось, а туалет далеко.

Старуха провела по её ладони шершавыми, будто наждак, пальцами.

— Честно скажу, девонька, радость жизни твоей одним днём омрачится. Потеряешь близкого человека. Не вижу, как зовут, но скоро... в этом году. Вот гляди: две линии крестом сошлись — знак верный к печали. Причину не знаю, но связана с грузином.

Зинаида линий не увидела, но охнула от единственной мысли, да никак дед померёт, ему уж далеко за семьдесят. Бог ты мой, ну не Юрка же, ведь ни слова про армию!

— А что за грузин, как зовут, откуда?

— Не знаю, девонька. Что увидела — сказала. В остальном — проживёшь до глубокой старости.

2

Роту подняли в ружье ночью, а Юрке Милованову снился залитый огнями ночной вокзал: медленно подползали, гремя сцепкой, вагоны; проводницы в дверях улыбались, готовясь принять пассажиров. Мать в красном платье подаёт ему в руки курицу, завёрнутую в фольгу, ещё горячую, ароматную. Надо же — мать! А надеялся увидеть Ольгу — худенькую одноклассницу с распущенными волосами до плеч. Девушка приходила на проводы, они с Юрой танцевали, курили, целовались на балконе.

В том сне мать что-то взволнованно говорила сыну, но тот слышал лишь громкий крик офицера, бегущего вдоль вагонов, размахивая фуражкой.

— Рота, подъём!!! В ружьё!

Кальсоны, не просохшие портянки, сапоги, пахнущие гуталином, — это нашёл Юра на ощупь, с закрытыми глазами. Ремень, шапка, шинель. В казарме воняло взопревшими молодыми телами. Бегом в оружейную! Служивцы сопят, толкаются и ворчат под нос недовольно, не нравится им скакать посреди ночи, бросив сны и тёплую койку. В оружейке хватают жилеты, цепляют каски. Вместо автоматов суют дубинки — добрый знак: значит, не на стрельбище, не будет забега по горным дорогам.

В кузове служивцев сморило. Попадали друг дружке на плечи. Куда мчатся в ночь, зачем — никому не известно. Офицеры закры-

лись в тёплых кабинах. Грузовик потряхивало, Юрке вспомнились отрывки из письма матери — размазанная чернилами по листу бумага скука.

«Здравствуй, Юра. Как здоровье? (Плюс двадцать излишних знаков вопроса.) Мы скучаем, отдыхала в Крыму, отец — в Сибири, дед положили в больницу.

Неспокойно на душе... (И тра-та-та... Дальше меланхолии на пол-листа.)

Береги себя, ты один у нас. (Знакомая с детства песня!)

Остерегайся грузин... (Тра-та-та... Половина замарана чёрным.) Обходи их стороной.

Ждём, целуем».

И так в каждом письме от матери почти одно и то же, будто под копирку. Жаль, вот Ольга не отвечает, Юра три письма исчеркал для неё — всё впустую. Вспомнил плотную девичью грудь, жадные влажные губы. Чёрт, знать, не судьба, нечего и надеяться, ждать, раздражаться.

Когда узнал, что мать в Крыму, Юрка за неё порадовался: снова на море, классно. Про дед прочёл с грустью: юркий старикан, любознательный, книжки любит про шпионов. Они не дружили и не ругались. До смерти бабули дед проживал в отдельной квартире в пятиэтажке, это уж потом его мать к себе привезла — выделила целую комнату. Дед замкнулся и признавал исключительно приятелей по домино — таких же ветеранов, пенсионеров и алкоголиков.

Про грузин Юра, который служил в Армении, не понял, хотя и в Грузии пришлось побывать. Почему грузин обходить? Грузин в части не было, зато таджиков хоть отбавляй.

В Армению Юрку направили на пересыльном пункте. Как ни старался он понравиться «покупателям» из Риги, в погранцы его не взяли. Жаль! Но не садиться же перед ними в шпагат, не крутить уширо-мавашу в вертикальном прыжке... Сказали Юрке: слабое зрение. Что правда — то правда. Подвернулся тогда картавый дядька в мятом костюме, заросший недельной щетиной и потому похожий на басмача из кино, он пах перегаром и борщом. По-свойски задушевно рассказал Юрке о тёплой далёкой республике, об истекающих сла-

достью абрикосах, о персиках размером с кулак, о здоровенном, метров на тридцать, бассейне, в котором солдаты купаются дважды в день. Соблазнил, короче. Так оказался Юрка во внутренних войсках.

После трёх суток в душном вагоне, заполненном табачным дымом и потными новобранцами, одуревшими от безделья, Юрка подумал, что надо было послушать отца и подать в институт. Провались пропадом это забавное приключение — армия!

Тот шепутной дядька собрал целый вагон молодёжи, злобные сержанты-срочники дежурили в тамбурах, не позволяя «зелёным» высунуть носа из поезда на стоянках.

Лоляно дядька относился лишь к одному купе, где на второй полке дремал и Юрка. На узловых станциях он, как оказалось, прапорщик, тарился тёплой водкой, наливал по пять капель пацанам в узком кругу, прижимал палец к губам: молчок, мол, не болтать. Они кивали и пили, морщась, закусывали остатками печенья и варёной картошкой, купленной через окно у бабок. Ребята в купе слушали байки прапора о белой горе Арарат, где затерялся ковчег того самого Ноя, собравшего тварей по паре. Когда рассказчик уставал, парни травили анекдоты, пели под гитару, отпивались чайком.

Позже Юрке выпали полгода в школе сержантов. Офицер с карантина, где держали молодняк под надзором, подглядел, как Юрка без слов и прелюдий уложил на асфальт двух узбеков. За это рядовой Милованов получил первый выговор и был направлен в Тбилиси. Там отбегал сполна по горным ущельям. Вернулся в Армению возмужавшим, с обветренным грузинскими ветрами лицом и двумя лычками на погонах.

Абрикосов в части под Ереваном не было и в помине. Стояла непривычная жара, так и не запустили в бассейн, заполненный затхлой водой с мокрицами. А Юрку зачислили в роту спецназа. Звучало красиво — жилось тяжело. Гоняли на полигон, где они червями вгрызались в каменистую землю. Учили махать дубинкой, строиться черепахой, выставив наружу металлические щиты, и стрелять навскидку в условиях плохой видимости. Про навыки ру-

копашного боя Юрка вспоминал в свободное время: его вскинута к перекладине нога вызвала особое уважение у сослуживцев. Чтобы тело не забыло растяжку, на дежурствах Юра дремал, сидя на шпагате. Старослужащие называли его Пиратом. Сам повод дал: однажды Юрка проболтался им про фильм «Пираты XX века», с которого прилип к карате. Кличка эта Юре не нравилась, он был гораздо больше склонен к порядку в голове и в делах, а пират — это больше про хаос, развал. Но спорить с сослуживцами Юре не хотелось — привык. Пусть языком чешут, раз нравится.

По субботам роту возили на стадион, выстраивали в редкую шеренгу за металлическими ограждениями, откуда они улыбались болельщикам. Это были хорошие времена, наполненные дружелюбием и интересом. Ещё охраняли аэропорт. Спали на полосатых больничных матрасах и пялились в окна, пересчитывали самолёты. На День милиции отшагивали на параде, чиркая сапогами небо. В общем, служба текла в своём ритме, пока не включалась сирена. И тогда: «Рота, в ружье!!!»

3

Впрыгающей на кочках машине Юрке выпиться не удалось. В темноте вкатились в ворота со звездой, колючая проволока в три ряда закручивалась по столбам, топорщились вышки с часовыми. «Зона!..» — выдохнул кто-то в кузове.

Машина встала. На зону срочники попали впервые, до того обходилось. Зарево пожара всколыхнуло полотно ночи, высветило строевания, мечущиеся фигурки людей. Вдали злобно и надрывно лаяли собаки. Едкий запах гари, будто тряпки горели, забивал нос. Остальное Юрке запомнилось туманно, расплывчато. Построение и дрожь в теле, как перед дракой. Слабость в ногах. И холод. Ватные лица, задача щитов. И страх, доводящий до желудочных спазмов. Пронизывающий ветер поглощал крик офицеров. И серый вонючий дым.

По рядам срочников прокатилось: бунт.

Плотным строем, вскинув щиты, ребята вползли за колючку.

Сваленные в груды кровати, здоровенные

бочки из-под краски... Горели тряпичные матрасы, от них — едкий дым. Чёрная масса шевелилась в свете прожекторов.

Кирпичи и камни обрушились на щиты, прокатились по каскам и разом свалились двое, завyli, корчась и растирая на лицах кровь. Невезуха. Стоящие рядом рычали, оралли от злобы, кричал и Юрка — был страх, припомнилась давняя встреча с похожей дикой толпой. Небо рыгнуло раскатами грома, то ли поддерживая восставших, то ли предупреждая солдат.

Последнее, что помнил Юрка, — как остервенело колотил дубиной мужика в чёрной робе, прижав ногой его ладонь к асфальту. Начался дождь. Взъерошенный лейтенант оттащил Юрку от эка.

Небо выворачивало мокрым, Юрку рвало склизкой кашей с ужина. А тот избитый им эка прижимал к сломанному носу ладонь и, выплевывая кровь с крошкой зубов, хрипел: «Убью, пахла, запомни!»

Спустя неделю, в субботу, когда и думать забыли о происшествии, зализали и залечили раны, запили чифирём в каптёрке, а служба шла своим чередом, ночью вновь заорала сирена. По казарме шарался мат. Кто-то крикнул: «Охренели, снова в ночь!»

Одевались ребята сноровисто: поднаторели уже — на бегу натягивали гимнастёрки на худые тела. Под окном с откинутыми бортами пытели грузовики. В оружейке выкидывали автоматы, тут же вручали патроны, что стало сюрпризом: боеприпасы получали обычно исключительно перед стрельбами. Когда раздали пламегасители, которые прикручивались к стволу, стало понятно: патроны холостые.

Конверт дневальный сунул Юрке на построении — вложил незаметно в руку. Смотреть было некогда: после непривычно раннего подъёма по тревоге он чувствовал слабость, тремор в ладонях, шумело в башке, будто с похмелья. Юрка еле в кузов забрался, в груди тяжесть — не вздохнуть. Приболел, не иначе. Привалился он к скрипучему борту грузовика, зажал коленями автомат и прикрыл глаза. Проникала под шинель прохлада ночи, невнятно переговаривались сослуживцы, а Юрке казалось: это дед ворчит в дальней комнате,

спорит с телевизором, и вот-вот придёт мать с работы, пожарит на ужин котлеты и сварит картошки, которую начистил в белую кастрюлю отец. А потом они сядут семьей за узкий стол, выпьют по рюмашке, закурят, гоняя по кухне дым. И так отчётливо запахло «Астрой», что Юрка открыл глаза.

Сосед кинул окуроч за борт. Петляло в ночи шоссе, и гудел, забираясь на холм, грузовик.

4

Весь день Зинаида Аркадьевна ходила сама вне своя. С утра в окно стукнула птица, будто стекло треснуло. Зинаида подскочила, лоб покрылся испариной, а ворона взмахнула крыльями и пересела на крышу подстанции. По всему — нехороший знак. От матери слышала Зинаида: птица к смерти стучит. Заволновалась она: «Бог ты мой!» И полезла в голову та на вокзале встреченная цыганка, зашептал её вкрадчивый голос: «Потеряешь близкого человека. Вижу, с грузином связано».

Мысли вразнос у Зинаиды в голове: не собирать! То на Юрку перескакивают, то на деда. Взвесив за и против, решила, что армия страшнее, а сын сердцу ближе. Бросила чемодан на пол, выгребла вещи из гардероба, в голове сложилось решение: «Лечу первым рейсом в Ереван, откладывать нельзя».

Муж Петя остановил её: «С ума сходишь с цыганкой своей! Не пугай парня и людей не смеси».

Но Зинаида не успокоилась. Не одно, так другое проверить. Помчалась в больницу к отцу. Еле пустили под вечер. Выведала у сестрички, что за врачи на дежурстве, кого назначили оперировать и есть ли кто с грузинской фамилией. И нашла-таки в списках: хирург Джапаридзе. Дождалась, когда тот из кабинета вышел, смену сдал. Брови что ветви ели, высокий, кучерявый, лет чуть за тридцать. По коридору прошёл, глазом сверкнул, и сердце у Зинаиды упало: предсказание свершается. Вот и грузин, как цыганка сказала. Значит, отец...

Зинаида опомнилась, догнала хирурга на выходе:

— Не дайте отцу умереть, Резо Рожденович.

В седьмой палате лежит. Милованов Василий. Читала, вы назначены оперировать.

И пока тот удивлённо искал глазами дежурную, чтоб отвести в сторону тревожную гражданку с растрёпанными волосами, Зинаида вцепилась ему в локоть, прошептала в отчаянии:

— А если умрёт он, доктор, то я за себя не ручаюсь...

Дежурная прискакала, успокоительного принесла.

На улице муж курил, ему Зинаиду и передали.

Дома она прилегла. Прикрыв глаза, представляла, как Юра вернётся со службы. Засвистит поутру трель звонка, она дверь распахнёт, а там — сын, загоревший под жгучим армянским солнцем, вытянувшись, огрубел, а улыбка всё та же. Вот радости будет! Гостей полный дом, смех... До утра разговоры, песни под гитару, как два года назад, на проводах.

Ночью Зинаиде не спалось. Встала, отёрнула штору с окна, и, показалось ей, вот же в кустах очертание цыганки! Пятится толстым задом! Ахнула Зинаида. А потом чуть взяла себя в руки, присмотрелась. Да нет, то ветер играет с шиповником. Она зачем-то перекрестилась, вспомнив, как бабка учила в детстве: сверху — вниз, справа — налево три пальчика вместе — от беды, от сглаза.

Присев за письменный стол, Зинаида достала конверт, тетрадку, в которой чиркала письма. Решила, раз не полетела к сыну, так напишет ему, а отправит завтра же авиапочтой и попросит ответ побыстрее. Это было вполне разумным, но тревога всё равно царапала сердце гвоздём. Пока писала письмо, слёзы капали на него, и тогда Зинаида начинала письмо сначала на новом листе — и так два раза. А у самой слёзы из глаз ручьем, в мыслях крутится цыганка и машет, машет она платком. Тьфу ты, ведьма! Бросив письмо, прилегла Зинаида. Ворочалась и уснула ближе к утру.

5

Машина со спецназом остановилась у самого леса. Сосны и сосенки, мохнатые ели, темень... Ребята выскользнули на дорогу. Юрка отсидел ногу, и в ней покалывало, будто

иглами. Взмыленный лейтенант пересчитал бойцов. Подошёл мрачный прапорщик-розыскник в кожаной куртке, попросил не шуметь, не курить, не ругаться. Сбиваясь и чуть картавя, он объяснил ситуацию. Юрка сразу признал в том прапорщике смешливого дядьку с поезда. Как же меняют людей обстоятельства!

— Вы работали на зоне неделю назад? Так вот, на зоне ЧП, трое бежали из лазарета, убили конвоира и врача. Одного бегунка застрелили, двоих предположительно видели здесь, в лесопарке Джервеж. Идём цепью, смотрите в оба, держитесь поближе друг к другу.

В свете фонарика показали фото. Юрка узнал одного: скуластое лицо, мрачный взгляд исподлобья, волосы залипли к узкому лбу. Это его Юрка тогда бил на зоне! Очень похож, белобрысый...

Второй — лысый толстяк — имел колоритную рожу, увидишь — не ошибёшься.

Розыскник добавил:

— Они вооружены, забрали табельный пистолет конвоира.

Новость привела солдат в состояние тревоги.

— Товарищ лейтенант, а мы — с холостыми? — спросил в недоумении Юрка. — Это как?

Ему вдруг вспомнились шахматы, в голове не вязалась комбинация нападения пешки против коня и ферзя по итогу.

— Штык-ножи пристегните, — усмехнулся прапорщик и достал пистолет из наплечной кобуры. — Держитесь плотнее, вас много. Палите холостыми, если что. Услышим, мы рядом.

— Фига себе, с холостыми — на пистолет! Весёлое дело, — бурчали солдаты. Мат плыл в их шёпоте.

Лейтенант среагировал жёстко.

— Отставить разговоры! Вы спецназ или кто?! Пристегнуть штыки, дослать патрон в патронник, поставить на предохранитель. Выполнять! В шеренгу растянитесь!

— Так кто из них с оружием, товарищ лейтенант? — спросили из строя.

— Скорее всего, Лазоян, белобрысый. Но, может, и Котов... который на грушу похож, — сказал чуть спокойнее лейтенант. — Давай пошевеливайся, в шеренгу...

6

Телефон в квартире Миловановых зазвонил поутру. Зинаида открыла глаза. На будильнике — семь и пять минут. Муж брился в ванной, не слышал раздражающий звук из прихожей телефона. Зинаида почувствовала, как захолодели ноги — нет сил встать. Вот она, беда-весточка, звонком прилетела. К чему телефон поставили? Всю жизнь без него — как спокойно было!

Юрка, бывало, до ночи во дворе, и не знаешь о нём, и не думаешь. Петя, муж, по деревням-весям пол-лета мотается, так и мысли нет чёрной, злокачественной. А тут вот всё ждёшь и ждёшь, будто специально...

Зинаида подняться не смогла, её трясло, как при гриппе, когда на градуснике за сорок. А телефон не смолкал. Мужу надо бы крикнуть — пусть ответит. Он выдюжит. Он сильнее. Да и кричать сил у Зинаиды нет. Беда...

7

Деревья спрятались в темноте, мокрые разбежавшиеся по сторонам тропки пропадали в гуще зарослей. Безлюдно в парке, тревожно и холодно. Бойцы растянулись цепью, шли почти на ощупь.

«Уфу, уфу!..» — Вспорхнула тень над деревьями, прокатилось эхо. Что это было? Сова?

Кусты били влажными ветками по сапогам, пожухлые листья шуршали под ногами. Страшно! Фонарики ребятам не дали — наверно, в суматохе забыл дежурный. Непроглядная тьма. Луна схоронилась в тучи и засела там, затаившись.

«Кого здесь искать? — шурился Юрка, всматриваясь в лес. — Не видно ни черта».

Со зрением у него давно были проблемы, особенно в темноте. В пять лет ударился головой: упал с трёхколёсного велосипеда. «Зрительная зона повреждена, с возрастом возможны ухудшения», — констатировал тогда врач. Юрка привык шуриться, очки не носил, мать ругалась: мол, в больнице недолечили.

Они шли втроём, кучно, как и велел лейтенант. Жалели, что нельзя покурить. А у Юрки, и так простуженного, еще и в правом сапоге замялась портянка, натёрла большой палец, и

это сильно отвлекало. Так они и не заметили тень, шагнувшую на их тройку из-за дерева.

— Ну-ка, бросили пукалки, живо! — тихо сказала фигура, держа в руке какой-то предмет — может, и пистолет, не видно ж ни черта.

Ребята замерли. И двое Юркиных напарников сразу съёжились, сдулись, точно воздух из тела спустили, а сам он дёрнул к плечу автомат. Подумал сначала: ударить на звук вертушкой, но мешало железо на шее, да и темно. Юрка щёлкнул предохранителем — перевел вниз, крикнул:

— Сам бросай, что там в руке!..

Ему показалось, это игра, так уже бывало у него. Вот Юрка с одноклассниками на рыбалке под Воронежем, тут же и взрослые. Ездили они туда на летних каникулах классе в седьмом. Хорошее было время, в лесу было так же темно и чуть зябко. Мальчишки набрали веток и брели к костру почти что на ощупь. Вот сейчас выйдет мать с фонарём, осветит им в лица и скажет: «Шагайте за мной, хватит скакать по кустам! Уха стынет».

И поведёт она их на берег озера, где на огне булькает в почерневшем котелке уха. От костра жарко, пересохшие сучья лопаются огненными брызгами, ребята загораживают ладонями лица...

Бах! И одна попала в грудь Юрке. Ему смешно, щекотно чуток, горячо.

Бах! Обожгла и вторая, а вот и ещё, и снова. Да это же он сам запускает искры! Палка в руках — и Юрка бьёт по костру, и взлетают огни, рассыпаются в небе фонтаном.

Вот только мать не смеётся, на глазах её слёзы и рот закрыла ладонью. Отец сжимает пальцами вдруг ставшие седыми виски.

И что за черная старуха на том берегу? Она машет ярким платком, смотрит на Юрку неотрывно! Или это птица взлетела в тёмное небо? Юрка пугается и валится в сено, пахнущее пожухлой травой и ёлкой. Так спокойно, так хочется спать...

8

Поляны и ложбины в пятнах тусклых фонарей. Лес гудел голосами, криками офицеров и грохотом выстрелов. Зверя в

арестантской робе гнали к просеке, — гнали с глубокой злобой, льющейся через край. Одна мысль в головах: живым не брать.

Долго сидели потом, не замечая несмелое солнце над лесом. Закуривали, ломая спички дрожащими руками. Смотрели в траву, то молчали, то ругали холостые патроны и отсутствие фонарей. И снова курили, мрачно сплёвывая на мокрую от ночного пота траву.

Прапорщик чиркал в блокноте, задумчиво бормотал о своём:

— Грузин лучше мёртвый, чем, сука, живой. Подельника надо искать.

— Лазоян и есть грузин? — вскинул голову лейтенант. — По виду же русский, а фамилия так вообще армянская.

— Он родился в Тбилиси, отсюда и кличка. А фамилия Лазоян — по отцу, был такой вор в законе, — прапорщик хлопнул по плечу лейтенанта: — Солдат твой — боец, не испугался. Таких, я думал, уж не рожают.

Возле Юрки в свете автомобильных фар копошились люди в халатах. Щуплый врач поднялся с колен, стряхнул с них прилипшие листья.

— Задышал ваш солдат. Молодец. Одна пуля навывлет, вторую достанем в госпитале.

Врач кивнул санитарам:

— Грузим и — вперёд. Вот, кстати, выпало у него из кармана.

Он протянул лейтенанту листок, измазанный кровью. Офицер взял осторожно, стараясь не испачкаться, развернул:

— Телеграмма. Ничего себе, дед у него вчера умер. Во дела, будто у внука смерть забрал.

Врач пожал плечами:

— Похоже на то, две пули — и живой, это редкость.

9

В одну из следующих ночей Зинаиде Аркадьевне приснился Юра, и сердце матери сжалось от радости. Он шёл к подъезду, торопился... Узкие губы — в улыбке, светлый ёршик волос торчит из-под малинового берета, сам в отглаженной форме. Сын посмотрел на родительское окно, махнул рукой. И Зинаида будто услышала его голос: «Мамуля, я скоро, ты жди!»

Андрей Иванович ЛОМОВЦЕВ

родился в 1968 г. в подмосковных Мытищах.

Окончил Московский гуманитарный институт.

Пишет прозу.

Публиковался в журналах

«Дружба народов», «Урал», «Волга», «Сибирские огни»,

«Уральский следопыт», «Литературный вторник» и др.

Дипломант и обладатель специального приза

Международного конкурса прозы и публицистики «ДИАС» (2022).

В журнале «Север» публикуется впервые.

